

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Советский комитет славистов

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД
СЛАВИСТОВ

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

I

Издательство Академии Наук СССР

МОСКВА

1958

Д. С. Лихачев

Ленинград

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ФОРМАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИЯХ СПИСКОВ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Изучение любого древнеславянского памятника, при обычном отсутствии его авторского текста, как правило, начинается с установления взаимоотношений всех известных его списков. Взаимоотношения же списков могут быть изучены только на основании их классификации.

Все существующие классификации списков могут быть приблизительно разделены на две системы. Первая система, наиболее легкая, дает их «горизонтальный разрез». В данном случае мы определяем только ту картину, которая предстает перед нами на сегодняшний день: устанавливаем группы списков, существующих в данный момент и имеющих в распоряжении исследователя. Все списки классифицируются по их внешним, формальным признакам. Такая классификация в той или иной мере условна. Мы можем заменять одну классификацию другой в зависимости от того, какое логическое основание избирается для классификации.

Вторая система классификации — «вертикальная». Списки классифицируются по тому, как они исторически сложились, как они генеалогически соотносятся между собой. Эта система классификации историческая. Она вызывает необходимость гипотетического восстановления всех утраченных звеньев. Такая классификация отнюдь не условна, она стремится дать реальную картину соотношения списков, исторически сложившуюся их группировку. В своем идеале она должна дать устойчивую классификацию, которую нельзя менять произвольно, но она во многих случаях (когда не хватает отдельных списков) не может быть последовательно проведена.

Итак, в первой классификации мы всегда достигаем цели: всегда можем классифицировать списки — какие бы они ни были

и сколько бы их ни сохранилось. Но классификация эта условна и потому может произвольно заменяться другой. Во второй классификации мы в громадном большинстве случаев не достигаем конечной цели, вынуждены останавливаться на полпути или широко пользоваться гипотезами. Однако классификация эта имеет целью восстановление реальной картины истории текста и в большой или меньшей степени соответствует реальной картине истории текста.

Установление первой классификации списков несравненно легче второй, но только вторая классификация может дать объективную картину.

Задача настоящей статьи — установить взаимоотношение между обеими классификациями в практической работе текстолога над списками памятника.

* * *

На первый взгляд может показаться, что обе классификации практически исключают друг друга, что в текстологической работе следует придерживаться только одной из этих классификаций, решив, какую из них признать более правильной. Возникает соблазн решительно отвергнуть первую, формальную классификацию, объявив ее формалистической.

Против такого упрощенного подхода к вопросу о классификации списков следует решительно возражать. Классификация по формальным признакам — неизбежный этап в работе над рукописями. Только произведя предварительно формальную классификацию, можно от нее перейти к попыткам установления истории текста и, как результат этого установления, — к исторической классификации и публикации текста на основе этой последней. При этом надо иметь в виду, что полный переход от формальной классификации к исторической может и не совершиться. В большинстве случаев, как мы уже сказали, полная история текста не может быть установлена и возможны только известные приближения к ней. В этом последнем случае формальная классификация частично сохраняет силу.

Успех перехода от формальной классификации списков к исторической и установление истории текста в значительной степени зависит от того, как понимает исследователь историю текста. Остановимся на этом положении подробнее.

В текстологических введениях к публикациям древнеславянских памятников обычно отмечается, что в основу издания положен «лучший» список или «наиболее полный». Что, собственно, это означает? Для одних публикаторов «лучшим»

будет наиболее древний список, для других — наиболее понятный в отдельных своих чтениях, для третьих — наиболее законченный художественно (композиционно, стилистически), для четвертых — самый полный и т. д. Чаще всего, объявляя издаваемый им список «лучшим», публикатор имеет в виду сразу несколько из перечисленных выше качеств, причем эти качества могут выступать в различных комбинациях, но каждый раз публикатор имеет в виду, что избираемые им качества списка являются неоспоримым свидетельством близости его текста к первоначальному, к авторскому. Тем самым текстолог пытается увидеть за формальными признаками списка историю его текста. Однако с развитием научных представлений об истории текста переход от формальной классификации к исторической оказывается все более и более сложным.

Хорошо известно, например, что наиболее древний список может оказаться не самым древним по своему тексту. Так, например, исследователь Домостроя И. Некрасов ошибочно отождествлял древность списка с древностью представляемой им редакции¹. Он доказывал, что Забелинский список Домостроя середины XVI в. содержит древнейшую редакцию, а Коншинский конца XVI в. — более молодую. На самом деле соотношение редакций Домостроя, как теперь установлено, диаметрально противоположное². В славянском переводе Повести об Акире Премудром вторая редакция сохранилась в рукописях 1468 и 1520 гг. — более старших, чем рукописи основной редакций³. Аналогичные наблюдения над списками древнеславянского перевода книги Иисуса Навина были сделаны В. Лебедевым⁴, над списками древнеславянского перевода книги пророка Даниила — И. Евсеевым⁵ и т. д. Недопустимость смешения древности списка с древностью представляемого им текста стало настолько самоочевидной истиной, что нет необходимости ее особо доказывать⁶.

¹ И. Некрасов. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древне-русского Домостроя. М., 1873, стр. 136.

² А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным, кн. 2. М., 1910, гл. V.

³ М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур. — ИОРЯС, т. XXVI, Пг., 1923, стр. 195.

⁴ В. Лебедев. Славянский перевод книги Иисуса Навина. СПб., 1890, стр. 3—4.

⁵ И. Евсеев. Книга пророка Даниила в древне-славянском переводе, М., 1905, стр. V и сл.

⁶ Впрочем, до сих пор еще бывают случаи, когда исследователи смешивают старшинство текста со старшинством списка. Так, например, профессор университета Лос-Анжелоса Г. Вильямс (H. F. Williams) в рецензии

Ясность и «понятность» текста может не совпадать с его древностью. То же самое следует сказать и о художественной стороне памятника. Полнота списка также понятие относительное. Иногда то, что принимается исследователем за «полноту» произведения, является простым расширением первоначально краткого текста позднейшими вставками. Причем расширение вставками делается иногда настолько последовательно и в духе всего произведения, что может ввести исследователя в заблуждение. Как пример такого искусного расширения текста вставками приведу второй вид основной редакции *Б* цикла Повестей о Николе Заразском⁷, где дополнительно рассказывается о торжественных похоронах Евпатия в рязанском соборе (причем описание выдержано в характере описаний других погребений того же цикла), и где Евпатию придано отчество («Львович»), как и остальным действующим лицам Повести о разорении Рязани Батыем. Как известно, имеются целые литературные жанры, для которых расширение вставками было характерной чертой их литературной истории (летописи, хронографы); еще бóльшая группа произведений в XV—XVII вв. подвергалась стилистическому «распространению» и т. д.

На заре публикаторской деятельности многие из этих противоречий в определении признаков «лучшего» списка просто не замечались; объяснялось это теми представлениями, которые существовали у исследователей о литературной судьбе памятника. Считалось, что «лучший» текст памятника дает сам автор, а переписчики только его портят, внося многочисленные ошибки, искажения и т. д. О каждом списке возникал вопрос, «хорош ли его текст, т. е. согласен ли он с подлинником автора»⁸.

Критика текста поэтому сводилась главным образом к чисто логическому истолкованию текста, к розыскам наиболее ясных чтений в других списках или к различного рода догадкам,

на издание А. Бломквистом «Roman des Deduis (Gace de la Buigne)» предлагает группировать списки изучаемого произведения по старшинству, предполагая, что список тем ближе к оригиналу, чем он старше («the earlier MSS can be considered as closer to the original text»; см. «Romance Philology», VII, 1953/1954, стр. 239). Ср. возражения А. Бломквиста: Å k e B l o m q v i s t. Méthode nouvelle pour l'édition de textes médiévaux. — St. Neoph., vol. XXVII, № 1, 1955.

⁷ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. Тексты. — ТОДЛ, т. VII, 1949, стр. 322 и сл.

⁸ «... si le texte de ce document est „bon“, c'est-à-dire aussi conforme que possible au manuscrit autographe de l'auteur» (Ch. - V. Langlois et Ch. Seignobos. Introduction aux études historiques. Paris, 1899, стр. 53).

облегчающим понимание текста. Найденные этим путем чтения и считались авторскими, наиболее древними.

Отсюда получалась и другая особенность старых изданий памятников: публикаторов интересовал только авторский текст, текст наиболее древний, «ясный», «исправный» и «полный». Вся последующая жизнь памятника издателей не интересовала и из изданий исключалась.

Все это, конечно, чрезвычайно упрощало задачи издания памятников, и именно этим следует объяснить то обстоятельство, что практически в своей работе многие из публикаторов пользуются еще теми приемами, которые выросли именно на таких представлениях о движении текста памятника.

В настоящее время история текста древнеславянских памятников выступает перед нами в гораздо более сложном виде. Известны многочисленные случаи, когда переписчики и «редакторы» старых текстов «улучшали» текст памятника, исправляли его, изгоняли малопонятные слова или, напротив, архаизировали текст, придавали ему бóльшую художественную законченность, сглаживали «швы». Считать, что во всех случаях автор создавал шедевр, а позднейшие переписчики и переделыватели только портили его, — нет оснований.

Углубление научных представлений об истории текста памятника отчетливее всего сказалось в исследованиях А. А. Шахматова по летописанию. Такие сложные и громадные памятники, как летописи, не имеющие одного автора, не обладающие стилистическим единством, ценные во всех своих видоизменениях, потребовали к себе более глубокого подхода, при котором восстановление истории их текста не могло опираться на немногочисленное количество внешних, формальных признаков (полнота, ясность текста, древность списка и т. д.). Ни заглавие летописи, ни ее начало или конец, ни отдельные разночтения не могли дать сколько-нибудь прочного основания даже для определения того, какой памятник представляет собой тот или иной летописный текст. Только изучение всей истории летописания позволило А. А. Шахматову определить (хотя в отдельных случаях и не во всем бесспорно) отдельные памятники летописания и выделить те списки, по которым следует издавать ту или иную летопись.

Действительно, исторический принцип является единственно научным принципом издания памятника, определения его редакций и основного списка. Именно этот принцип был перенесен с изучения памятников летописания на изучение всех остальных памятников древнеславянской письменности и привел к крупным успехам в области текстологии.

Вместе с тем, уже в работах А. А. Шахматова с достаточной полнотой определились все трудности последовательного проведения исторического принципа в изучении текста памятников. В громадном большинстве случаев оказывалось, что из-за недостатка данных последовательно провести исторический принцип исследования текста в изучении всех звеньев его истории (всех редакций, всех видов, всех сохранившихся списков) невозможно. На помощь приходили два текстологических приема: либо гипотетическое восстановление (или хотя бы предположение только) утраченных звеньев, либо «нейтральная заделка» этих утраченных звеньев с помощью данных, которые могла представить формальная классификация списков. Оба эти приема широко применялись Шахматовым: гипотетическое восстановление — преимущественно для начального летописания и «нейтральная заделка» утраченных мест — для летописания позднего. Вопрос остается и до сих пор открытым: какой из этих приемов и в каких случаях предпочтительнее? Пока он решается текстологами по большей части интуитивно, причем опасность состоит в том, что текстологи предпочитают раньше времени «складывать оружие», переходя от исторических построений к формальным или (что реже) гипотетическим, не завершив еще полностью своего исследования. Искусство Шахматова как текстолога заключалось в том, что он всеми силами стремился дать наиболее полное представление о всех этапах истории текста и переходил от исторической классификации списков к формальной или к гипотезам только тогда, когда все доступные ему способы исторической классификации бывали уже исчерпаны.

* * *

Классифицируя списки, мы должны постоянно отдавать себе отчет, в какой мере тот или иной внешний признак может при дальнейшем исследовании предоставлять данные для решения вопроса о движении текста. В текстологической работе внешние признаки являются по большей части «наводящими». Установить какие-либо точные, закономерные соответствия между отдельными внешними (формальными) особенностями текста и его историей чрезвычайно трудно. С этой точки зрения значительный интерес для развития методики текстологических исследований представляют те или иные «казусы».

В частности, следует обратить внимание на те случаи, когда признаки древности текста лежат в различных областях и между собою расходятся. Так, например, текст по языку может быть

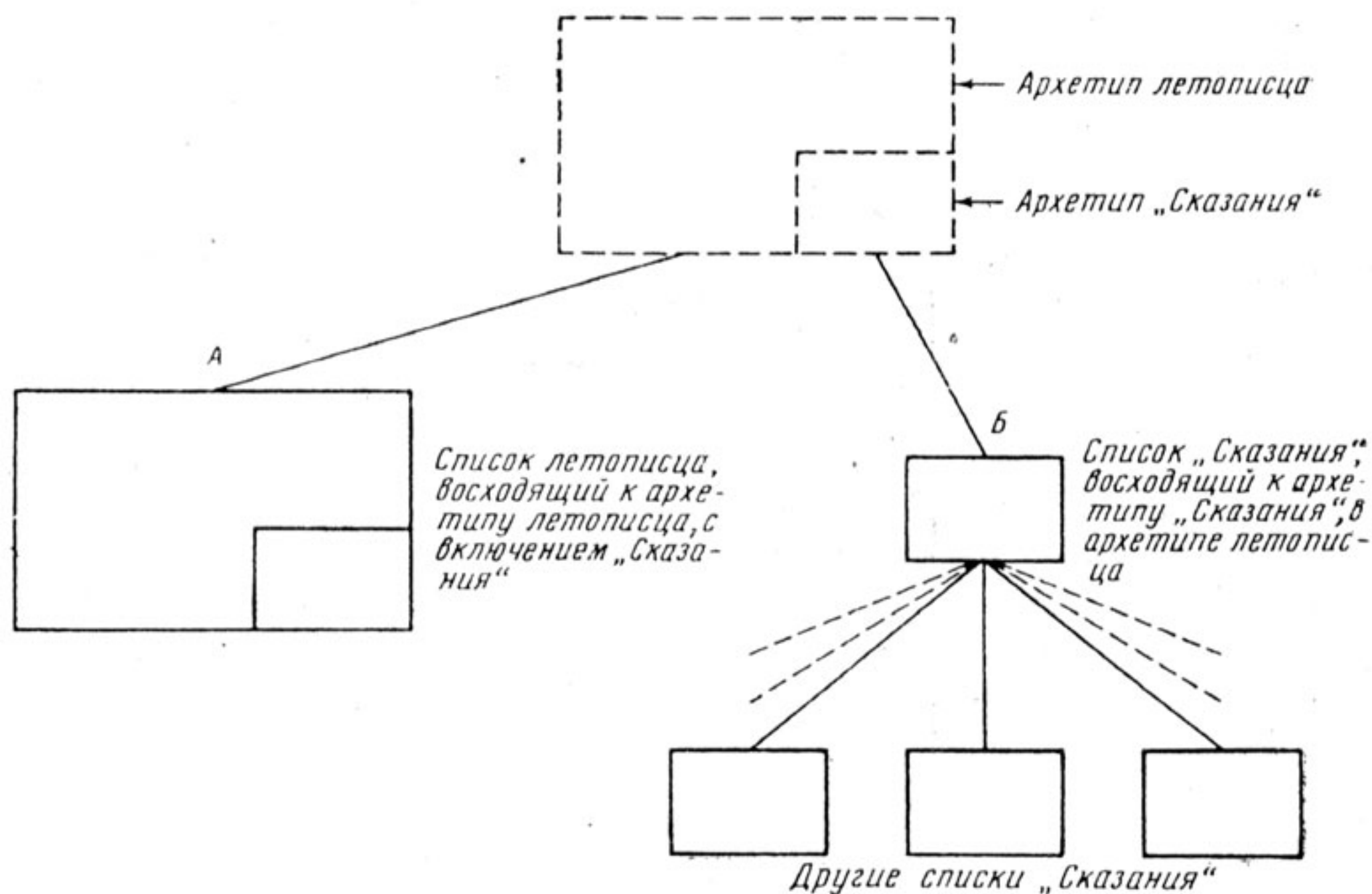
древнейшим, но состав списка может оказаться сильно поновленным и, напротив, древний состав может соединяться со значительными изменениями в языке, в стиле, в отдельных выражениях. Наконец, могут быть и такие положения: тип текста в одном списке древнее, чем в другом, но он включает в себе больше отдельных искажений, чем другой, в котором отдельные чтения более «правильны», так как он подвергся редакционному, весьма умелому «распространению». Какому тексту в этом случае следует отдать предпочтение?

Для того, чтобы решить этот вопрос, следует разобраться в том, как получилось подобное расхождение, и дать предпочтение тексту, более древнему по своему историческому происхождению.

Приведу пример сложности отнесения списка в ту или иную группу из еще неопубликованной работы М. А. Салминой (работа посвящена древнерусским повестям о начале Москвы). «Сказание о начале Москвы» (согласно классификации повестей о начале Москвы, предложенной С. К. Шамбинаго, — так называемая «новелла»⁹), как доказывает М. А. Салмина, в древнейшем своем тексте дошла в составе особого летописца, представленного единственным списком. Список этого летописца производит впечатление не оригинального: в нем имеются отдельные поновления и искажения текста, уже существовавшего до него. Авторский же текст летописца до нас не дошел. В составе этого летописца дошло до нас и «Сказание о начале Москвы», в тексте которого также имеются отдельные искажения. Все другие списки «Сказания» представляют собой выписку этого произведения из архетипа или протографа летописца. Важно отметить, что отдельных искажений текста в некоторых из этих последних списков меньше, чем в тексте, дошедшем в своем первоначальном рукописном окружении, т. е. в составе летописца, хотя текст в них в целом поновлен, стилистически обработан (убраны отдельные просторечные выражения, добавлены элементарные пояснения и т. д.). Взаимоотношение сохранившихся списков «Сказания» может быть условно представлено в следующем виде (см. стр. 271).

Чему же должен отдать предпочтение исследователь, выбирая «основной» список «Сказания» для публикации: более древнему типу памятника или отдельным более правильным чтениям памятника, т. е. списку А или списку Б? Предпочесть список А мы обязаны потому, что список Б, несмотря на свои отдельные более правильные чтения, представляет

⁹ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, — ТОДЛ, т. III, 1936.

собой другой этап в развитии текста «Сказания» — этап, в котором «Сказание» выделилось из летописца и стало существовать самостоятельно. Список же А, несмотря на все свои отдельные искажения, является представителем древнейшего из известных нам этапов в развитии «Сказания» и древнейшего типа текста. Начало списка Б и его конец могут быть объяснены только на основании списка А, где «Сказание» органически входило в состав летописца.

Однако предпочесть список А списку Б — это еще не значит решить всю проблему издания «Сказания». Совершенно ясно, что предпочтение списка А меняет весь характер издания. В гораздо большей степени, чем издатели XIX в., которые вне всякого сомнения предпочли бы текст Б, мы заинтересованы, издавая текст А, в издании вполне определенной редакции текста. И это не случайно: чем более мы следим за историей текста памятника, чем глубже историческая классификация его списков, тем острее возникает проблема издания всех сохранившихся редакций, дающих по возможности целостное представление о литературной истории памятника, ценность восстановления которой все больше и больше осознается в филологической науке. Для нас отдельные редакции памятника важны не только тем, что они дают представление

о первоначальном виде памятника, позволяют в известной мере его восстановить, но и сами по себе, как определенные идейно-художественные и самостоятельные этапы в жизни произведения. Приведенный пример со «Сказанием о начале Москвы» отчетливо показывает также, насколько важно принимать во внимание литературное окружение памятников. О том, что состав сборников, в которых дошел до нас текст того или иного памятника, должен внимательно изучаться, так как литературное окружение памятника позволяет выявить ту литературную традицию, к которой памятник принадлежит, — не может быть споров. Принципиально интерес этого изучения признается всеми текстологами. Не ясен другой вопрос: насколько важно предварительное установление литературного окружения памятника в сборниках для установления генеалогии его списков.

Практически в изучении истории текста данные его литературного окружения в сборниках принимаются во внимание очень редко. История текста обычно устанавливается исключительно на основании изучения текстов самого произведения; окружение же памятника рассматривается только тогда, когда история текста установлена, списки классифицированы и схема вычерчена; тогда делаются выводы относительно литературного окружения и в нем ищут объяснения для уже установленной истории текста.

Такое положение ограничивает возможности установления истории текста. Между тем литературное окружение позволяет распутывать иногда самые сложные комбинации списков и давать иное, более правильное представление об их взаимоотношении, чем то, которое можно было бы вывести на основании изучения только самих текстов памятника.

Изучая историю текста того или иного произведения, мы должны иметь в виду, что текст этого произведения мог переписываться или даже перерабатываться (сокращаться, дополняться, правиться стилистически и т. д.) в составе целой группы произведений, в тесной связи с последними. Как показывает изучение древнеславянских сборников, некоторые из них переписывались и переделывались целиком, в полном своем составе, как единое целое. Это значит, что приемы обращения переписчика или переделывателя с текстом изучаемого нами произведения могут оказаться одинаковыми или, по крайней мере, сходными на протяжении всего переписываемого или переделываемого сборника.

Именно такой подход позволил В. П. Любимову окончательно решить крайне сложный вопрос о происхождении

Сокращенной Русской Правды¹⁰. О том, что представляет собой Сокращенная Правда, писалось много, и точки зрения были очень разнообразны. В исследовательской литературе высказывалось, например, мнение, что Сокращенная Правда вовсе не является обычным сокращением, что в основе ее лежит весьма древний памятник, восходящий к XI в., и пр.

До исследования В. П. Любимова были известны два списка Сокращенной Правды в составе Кормчих — Толстовской IV и Оболенского. В. П. Любимов обнаружил еще один список Кормчей с Сокращенной Правдой — Никифоровскую II. Во всех трех списках окружение Сокращенной Правды одно и то же, но Никифоровская II Кормчая представляет собой переходный тип к Толстовской IV и Кормчей Оболенского. Исследование Сокращенной Правды не изолировано от содержащих ее Кормчих, а в целом, вместе с текстом всех трех Кормчих, совершенно точно доказывает, что Сокращенная Правда является действительным сокращением Пространной Русской Правды и что это было делом составителя той Кормчей, от которой идут Толстовская IV и Оболенского. Кормчая эта была составлена по Кормчей Никифоровской II или ближайшей к ней. К такого рода выводу привело В. П. Любимова внимательное исследование всего текста трех упомянутых Кормчих вместе с некоторыми материалами, использованными в конце Кормчих. Одни и те же приемы сокращения (например, устранение из текста имен и названий местностей) могут быть отмечены одинаково и в тексте Кормчих Толстовской IV и Оболенского, и в тексте Сокращенной Правды. Очень сходны также, например, сокращения, сделанные в «Избрании из законов Моисеевых», Кормчих Толстовской IV и Оболенского с сокращениями текстов Сокращенной Правды, содержащихся в этих Кормчих.

Воссоздавая историю текста памятника, отнюдь нельзя ограничиваться данными списков самого памятника или того литературного окружения, в составе которого он переписывался. Практика показывает, что чрезвычайно существенные данные могут быть почерпнуты из тех произведений, которые повлияли на изучаемый памятник или сами испытали его влияние, а также из тех, которые сохранили цитаты изучаемого произведения и т. п. Так, например, решительно невозможно пытаться восстановить первоначальный вид «Слова о полку

¹⁰ В. П. Любимов. Новые списки Правды Русской. См. «Правда Русская», под ред. академика Б. Д. Грекова, т. II. М. — Л., 1947, стр. 840 и сл.

Игореве», не принимая во внимание «Задонщины» и известной приписки в Апостоле 1304 г.¹¹.

Изучение «соседних» памятников позволяет определить существование таких редакций исследуемого произведения, которые в непосредственном виде до нас не дошли. Так, например, изучение второй редакции «Александрии» показывает, что переделыватели ее воспользовались «Сказанием об Индийском царстве» в редакции, впоследствии исчезнувшей¹².

* * *

Подводя некоторые итоги всему сказанному выше, отметим, что исторический принцип в классификации списков изучаемого произведения не может быть противопоставлен формальному. Принципы эти отнюдь не исключают друг друга. Формальная классификация — отправная точка текстологического исследования; историческая — один из ее конечных результатов. Устанавливая формальные основания классификаций, исследователь стремится выбрать такие, которые в последующем исследовании позволили бы легко перейти к исторической классификации, которые имели бы наибольшее эвристическое значение. Между формальной и исторической классификациями в процессе текстологической работы возникают промежуточные этапы. Историческая классификация рождается на основе полного изучения истории текста, всей его рукописной традиции, рукописного окружения, литературной судьбы памятника и т. д. Точное осознание задач той и другой классификации и их взаимоотношения значительно облегчает работу текстолога, изучающего памятники, дошедшие до нас в большом количестве списков.

¹¹ Об этом см.: В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Опыт реконструкции авторского текста. — ТОДЛ, т. VI, 1948, стр. 218 и сл.; Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 324 и сл.

¹² В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода. Пг., 1922, стр. 107; его же. Александрия русских хронографов. М., 1893 (см. главу III); его же. «Сказание об Индийском царстве». М., 1893; М. Н. Сперанский. «Сказание об Индийском царстве». — «Известия по РЯС АН СССР», т. III, 1930, кн. 2, стр. 374 и сл.